

Роман Виктюк

Кубинград. - 1992. - 21 марта. - с. 1

Четвертое измерение

Репетирую пьесу Гибсона «Двое на качелях». Драматическую роль предложил балерине Наталье Макаровой. Каждый день, встречаясь с ней на репетициях, все более убеждаюсь, что это уникальная индивидуальность — из немногочисленного отряда последних романтиков XX века.

Я выстраиваю свой ряд «последних романтиков», это мой субъективный взгляд. Вижу четыре вершины: пианист Владимир Горовиц, скрипач Яков Хейфец, певица Мария Каллас, балерина Наталья Макарова. Думая о них, все отчетливее прихожу к мысли, что мы долгие годы напрочь отвергли само понятие аристократизма в культуре. Для нас само это слово было бранным.

Между тем для меня в понятии «аристократизм» заключено множество прекрасных значений: истина, поиск Бога, красота, любовь и правда. Все это мы последовательно теряем каждый день.

В наш плебейский век культура стала лишь средством для политики и экономики, лишь инструментом для достижения благоденствия. Еще недавно мы утешались лозунгом «Культура для народа».

Сейчас само понятие «народ» размылось, рассыпалось. И стало очевидно: ориентация культуры на абстрактный «демос» привела к резкому снижению ее качества. Культура становится плоской, некрасивой и лишенной стиля.

В наш плебейский век натуры творческие и утонченные чувствуют себя более одинокими и ненужными, чем во все предыдущие века. Именно в XX столетии конфликт между избранным меньшинством и большинством оказался острее, чем во времена средневековья. Обостряется конфликт между вершинами духов-

ной жизни и ее средним уровнем. Парадокс, но именно в нынешнем, незаидеологизированном обществе вырастает стена непонимания между меньшинством, живущим творческими, духовными исканиями, поэзией, и большинством, живущим аппетитами и прозой.

Культура между тем рождалась вокруг стен храма. Непониманием само название восходит к слову «культ». Основа культуры — религия, тайна. Исконная миссия театра — воссоздание и преобразование божественных тайн. Культура всегда имеет душу. Эта душа — в каждом отдельном творце. Искусство индивидуализировано в каждой отдельной личности художника. Поэтому в принципе его развитие не зависит ни от политики, ни от государства. Но его можно насильственно прервать, загнать вглубь.

Вот пример. Начало XX века — бурное развитие декаданса в России. Революционным, неестественным путем этот личностный художественный процесс был остановлен. И наступили десятилетия плебейства, массовости, усредненности. Восторжествовал лозунг «Искусство принадлежит народу». Но удалось ли уничтожить сам дух, похоронить идеи Таирова и Дягилева, Фокина, Нижинского, Бакста?..

Мне кажется, это невозможно. Ничто не исчезает бесследно. И сейчас, думаю, в душах художников возрождается потребность в осуществлении идей, прерванных в начале века. Театральные грезы Мейерхольда и Таирова нигде не исчезли с нашей планеты.

Это нам только кажется, что режиссеры выбирают драматургов, композиторов. На самом деле последние ищут того, кто сможет их воплотить. В том числе и давно ушедшие

из жизни авторы мистическим образом находят в будущем проводников. Отправленные в космос помыслы доходят до адресата.

Я сознательно репетирую «Двое на качелях» в церкви Греко-Латинской академии на Никольской улице. На репетициях мы с Н. Макаровой и В. Клементьевым ощущаем некие «космические токи». Я вообще вижу смысл настоящей театральной репетиции в прорыве из трех привычных измерений в некое четвертое, которое нельзя ни видеть, ни осязать, в которое можно лишь провалиться духом.

Тайна пересечения миров в живом актере — это тайна явления Бога. Поэтому сама кра-

сота искусства есть победа над уродством мира. Смысл театра для меня в том, чтобы упреждать желанное преобразование мира, освобождаться от тяжести нашей жизни. Красота — не плен, а победа. И те ее остатки, точнее, ошметки, что еще существуют, надо спасать. Ведь количество душ, способных воспринимать красоту, сокращается с каждым днем.

Скрылись в небытие три величайшие для меня вершины — Горовиц, Хейфец и Каллас. Эта утрата заставляет меня с еще большим исступлением прорываться на театральной сцене в иные миры. Пока не поздно. Пока еще есть надежда.